«Духовное образование Русской Православной Церкви на современном историческом этапе. Проблемы, задачи и перспективы». Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на совещании ректоров духовных учебных заведений Русской Православной Церкви (Москва, Храм Христ

Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства, дорогие отцы, братья и сестры, Владыка Евгений! Я хотел бы сердечно всех вас приветствовать и выразить свое удовлетворение в связи с вашим приездом в Москву для участия в ректорском совещании.

Я хотел бы сегодня вместе с вами обсудить перспективы развития нашей богословской школы. Хорошо было бы поговорить о проблемах, выслушать ваши мнения, потому что многое из того, что было сделано, было сделано правильно и в свое время, но есть и проблемы, которые находятся в подвешенном состоянии в течение уже многих лет. Мне кажется, наступает время, когда мы могли бы консолидированно подумать о том, как эти проблемы решить и как продвинуть наше образование по тому пути, который был ранее намечен.

Я хотел бы свой доклад предварить неким историческим экскурсом — он полезен, потому что помогает понять, что было сделано нашими предшественниками, что было сделано в сравнительно недавнее время. Может быть, эта историческая картина поможет нам лучше понять, куда следует двигаться.

Достаточно вначале сказать несколько слов о статистике, чтобы понять, что мы потеряли в результате революции, что мы имеем сейчас и какой путь мы прошли с 1917 года до сегодняшнего дня.

Накануне революции 1917 года система духовного образования в России включала в себя 4 духовных академии, 57 духовных семинарий и 185 духовных училищ.

В конце 1940-х годов, после восстановления системы богословского духовного образования, мы имели 2 духовные академии и 8 семинарий. На рубеже 1950-х — 60-х годов в силу обстоятельств, о которых все мы хорошо знаем, были закрыты 5 духовных семинарий; и в течение долгого времени мы имели 2 духовные академии — в тогдашних Загорске и Ленинграде, и три духовные семинарии — Московскую, Ленинградскую и Одесскую. В эти годы (в конце 50-х — начале 60-х)

был нанесен определенный урон нашей профессорско-преподавательской корпорации, потому что наиболее способные, образованные люди оказались в ситуации, когда им было трудно продолжать работу в наших духовных академиях. Некоторые были просто изгнаны из академий властями, некоторые ушли на гражданскую работу, некоторые занимались наукой, а некоторые оказались даже в числе предателей. Это было очень трудное время — начало 1960-х годов.

В 1970-е годы удалось добиться расширения приема в сохранившиеся школы. Вначале в Санкт-Петербургской (тогда Ленинградской), а затем и в Московской академиях были открыты регентские классы, где стали обучаться в том числе женщины; начала постепенно пополняться профессорско-преподавательская корпорация, появились люди, которые помимо высшего богословского образования имели и светское образование.

Поэтому нужно сказать, что 1970-е годы были важным временем, это не были годы застоя. В области образования был достигнут определенный прогресс, и поэтому к 1988 году наши духовные школы подошли не такими слабыми, как это могло показаться.

А в 1988 году, когда мы торжественно отпраздновали тысячелетие Крещения Руси, началось возрождение системы духовного образования. Я напомню вам, что в том году были открыты три духовные семинарии: Киевская, Минская и Тобольская; открылись духовные училища: Смоленское, Новосибирское, Кишиневское, Ставропольское и Черниговское.

В 1989 году наш Архиерейский Собор, заслушав доклад тогдашнего председателя Учебного комитета, вынес определение, которое я хотел бы процитировать, чтобы восстановить в вашей памяти последовательность тех событий. В определении говорилось:

«Подготовка необходимых кадров должна быть первостепенной заботой всей Церкви. Это предполагает осуществление таких перемен во всей системе духовного образования, которые бы способствовали решению назревших проблем. В связи с этим необходимо:

а) предоставить Учебному комитету потребные правовые, кадровые и финансовые возможности для осуществления своих функций;

б) считать своевременным реорганизацию структуры и содержания учебного процесса таким образом, чтобы в ближайшее время обеспечить обязательное высшее богословское образование для пастырей Церкви. В этой связи признать целесообразным иметь таковое образование на базе духовных семинарий. При этом главной задачей духовных академий явится научно-богословская специализация и подготовка высококвалифицированных кадров для ответственных церковных послушаний, включая преподавание в духовных учебных заведениях».

После крушения Советского Союза мы вошли в полосу очень резких и сложных социальных перемен, которые до основания потрясли наше общество, что привело к тому, что решения Архиерейского Собора 1989 года, как вы хорошо помните, были временно преданы забвению. Тогда было не до реформы богословского образования - появление суверенных государств, огромные вызовы единству нашей Церкви, совершенно ни с чем не сравнимые финансовые потрясения церковной жизни, особенно в сфере центрального церковного управления. Поэтому задачи реформы духовной школы были вновь поставлены только в 1994 году, то есть пять лет спустя. Тогда по инициативе покойного Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II состоялось первое совещание ректоров духовных школ. И, как вы знаете, в том же году состоялся и Архиерейский Собор, в одном из Определений которого шла речь о задачах Церкви в области образования. Там говорилось о новой системе богословского образования:

«Эта новая система должна включить в себя все лучшее, что было присуще дореволюционной системе и что существует в современном отечественном и зарубежном опыте православного богословского образования. Вместе с тем, — подчеркивалось в документе, — эта система должна быть чувствительна к существующим сегодня пастырским проблемам и тем запросам, которые современное общество обращает к Церкви. Новая система богословского образования в полной мере должна учитывать реальные возможности нашей Церкви и опираться на существующий и могущий в ближайшее время быть подготовленным кадровый потенциал, а также разумное взаимодействие со светской наукой и высшей школой. Важнейшим элементом новой системы должно быть высшее богословское образование для священнослужителей. В связи с этим делом особой важности должно стать постепенное преобразование духовных семинарий в высшие учебные заведения. В то же время на базе духовных академий целесообразно создать постдипломную систему научно-богословской специализации. Освященный Собор постановляет подготовить концепцию богословского образования, стандарты высшего богословского образования, учебные программы и учебные планы и осуществить программу издания учебных пособий для духовных семинарий».

В условиях недостатка средств и кадров Учебный комитет фактически не мог стать церковным аналогом министерства образования, с четкой системой принятия решений и иерархической системой управления и контроля, а также самостоятельной инновационной научно-методической деятельностью, потому что не было, к сожалению, ни финансирования, ни кадровой поддержки деятельности Учебного комитета. По разным причинам и в силу разных обстоятельств это действительно было так. Для координации деятельности духовных школ была избрана модель сетевого взаимодействия — посредством проведения ректорских совещаний, а также методических встреч и семинаров. И благодаря этой сетевой модели Учебный комитет, несмотря на трудное положение, в котором он находился, осуществлял координацию деятельности всех

учебных заведений и руководство ими.

Методическая помощь вновь открывшимся семинариям оказывалась Учебным комитетом в значительной мере на базе Московской духовной академии и семинарии, учебные программы и пособия которой легли в основу соответствующей учебно-методической документации для региональных семинарий.

Инспекционная деятельность Учебного комитета также осуществлялась при содействии Московских духовных школ.

Тот факт, что председателем Учебного комитета был назначен ректор Московской духовной академии, помог использовать потенциал Московских духовных школ для руководства практически всей деятельностью учебных заведений Русской Церкви. Концепция богословского образования, задача подготовки которой была поставлена на Архиерейском Соборе в 1994 году, подготовленная Учебным комитетом в виде «Основных направлений концепции богословского образования Русской Православной Церкви», была утверждена Священным Синодом на заседании 28 декабря 1996 года (журнал № 92).

Статус структурных элементов системы богословского образования в концепции определялся следующим образом:

«Духовная семинария — учебное заведение Московского Патриархата, готовящее священнослужителей Русской Православной Церкви. Духовная семинария является учебным заведением закрытого типа. Срок обучения в семинарии — 4-5 лет. По окончании семинарии, в случае успешной защиты дипломной работы, выпускнику присваивается звание бакалавра. Духовная академия — высшее учебное заведение Московского Патриархата, готовящее священнослужителей, преподавателей для духовных школ, богословов и научных сотрудников для учреждений Московского Патриархата. Православный Свято-Тихоновский Богословский институт — высшее учебное заведение Московского Патриархата открытого типа. Духовное училище — специальное учебное заведение Московского Патриархата, готовящее церковнослужителей Русской Православной Церкви».

Типовой учебный план семинарии с пятилетним сроком обучения и типовые академический и семинарский уставы были утверждены Священным Синодом в следующем 1997 году.

Обучение по новому типовому учебному плану началось в следующих семинариях: Московской, Санкт-Петербургской, Тобольской, Самарской, Минской, Смоленской, Коломенской, Калужской; в одних семинариях с 1998, в других — с 1999 года. Процесс начался, и в первую очередь - в тех

семинариях, которые я перечислил.

Архиерейский Собор 1997 года не внес сколько-нибудь существенных поправок в то видение реформы духовной школы, которое было сформулировано предыдущими Соборами, лишь обратив внимание на необходимость неукоснительного исполнения принятых ранее решений.

В 2003 году состоялся первый выпуск «новой», пятилетней семинарии и, соответственно, набор в «новую», трехгодичную академию.

В соответствии с задачами по научно-богословской специализации академии, поставленными еще Архиерейским Собором 1989 года, в Московской и Санкт-Петербургской академиях были созданы четыре отделения — Библейское, Богословское, Историческое и Церковно-практическое. В 2003 году на эти отделения пришли выпускники пятилетних семинарий.

В Определении Архиерейского Собора 2004 года о вопросах внутренней жизни Русской Православной Церкви было, в частности, «сочтено необходимым повышение уровня научной работы, проводимой в духовных учебных заведениях».

В 2006 году состоялся первый выпуск «реформированных», трехлетних академий. Процесс обучения в академиях стал постепенно уходить от имевшегося прежде формализма и дублирования семинарского курса, большее внимание стало уделяться специальным курсам, семинарам, а также самостоятельной исследовательской работе студентов. Требования, предъявляемые к кандидатским диссертациям, а также процедуры написания и защиты работ стали приводиться в соответствие с уровнем требований в светских научных и учебных заведениях.

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 2008 года в своих Определениях положительно оценил итоги проведенной реформы системы духовного образования, в результате которой Церковь получила возможность готовить не только высокообразованных пастырей, но также преподавателей и специалистов церковной науки. Этот же Собор 2008 года одобрил принятую 21 августа 2007 года (журнал № 71) Священным Синодом Концепцию высшего духовного образования Русской Православной Церкви.

31 марта 2009 года Священный Синод (журнал № 20) принял решение о создании Общецерковной аспирантуры. Священный Синод на заседании 27 июля 2009 года утвердил Устав Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (журнал № 57).

Вот такова история, очень краткая, наших совместных попыток реформировать систему духовного образования нашей Церкви. Я обозначил основные этапы этой реформы, с тем, чтобы всем нам освежить в памяти этот путь, который не был простым, не был легким, но который был начат в 1988 году и продолжается вот уже двадцать лет.

***

Теперь хотелось бы поговорить о наших проблемах и вопросах с тем, чтобы мы ясно понимали, где мы сейчас находимся, какие перед нами стоят задачи. То, что мы сделали, мы сделали, и сделали, судя по всему, неплохо. Но вот что нам нужно, как кажется, сделать в предстоящее время.

Во-первых, хотел бы сказать, что в течение последних десятилетий активно обсуждалась проблема получения духовными школами государственной аккредитации. В практическую плоскость для духовного образования этот вопрос перешел после утверждения в 2002 году в России государственных стандартов по направлению «теология» (магистр) и специальности «теология». После того, как государство приняло эти стандарты, начался процесс размышления Церкви о том, что это для нас означает, можно ли как-то использовать этот важный шаг, который сделало государство для признания нашего образования, для аккредитации наших духовных школ.

В течение ряда лет основным камнем преткновения была позиция министерства образования и науки, заявлявшего о невозможности аккредитации духовных школ в силу их организационно-правового статуса религиозных организаций. В интерпретации министерства образования аккредитация духовных школ означала делегирование им части государственных полномочий, что противоречит конституционному принципу светскости государства. Так, Свято-Тихоновскому университету для получения аккредитации пришлось изменить свой организационно-правовой статус с религиозной организации на негосударственное образовательное учреждение. Изменение статуса, как вы знаете, связано с осложнениями в налоговой области — повышается уровень налогов.

Но помимо внешних препятствий, имели место и внутрицерковные разногласия как по вопросу о целесообразности получения государственной аккредитации в принципе (со ссылками на опасность возможного «обмирщения» духовного образования), так и в отношении содержательных особенностей светского стандарта. Так, государственный стандарт по направлению и специальности «теология» подвергался в церковной среде критике по причине наличия в нем ряда предметов, которые не преподаются в духовных школах, а также иного распределения часов по дисциплинам, которые могли бы быть сопоставлены с предметами, преподаваемыми в семинарии.

При этом позиция высшей церковной власти была вполне определенной. Так, в своем выступлении

на совещании ректоров духовных учебных заведений нашей Церкви 16 марта 2002 года Святейший Патриарх Алексий II отмечал: «Процесс приобретения семинариями статуса высших учебных заведений должен проходить в рамках получения государственной аккредитации». А 17 июля 2001 года Священный Синод определил стратегическую задачу проводимой ныне реформы системы духовного образования - государственную аккредитацию духовных учебных заведений, предполагающую получение их выпускниками диплома государственного образца. «Как представляется, — цитирую, — альтернативы этому пути для нашей духовной школы нет».

Эта позиция Священноначалия была поддержана и Архиерейским Собором 2004 года. В Определении «О вопросах внутренней жизни Русской Православной Церкви» (п. 5) говорится: «Признано целесообразным скорейшее получение Духовными школами государственной аккредитации при учете традиций церковного образования».

После шести лет упорных совместных трудов многих церковных структур был достигнут существенный прогресс на пути к получению государственного признания системы духовного образования нашей Церкви. 28 февраля 2008 года Президент России подписал федеральный закон Российской Федерации от 28 февраля 2008 года № 14-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части лицензирования и аккредитации учреждений профессионального религиозного образования (духовных образовательных учреждений)». Законом устанавливается возможность получения нашими духовными школами свидетельства о государственной аккредитации, которое подтверждает уровень реализуемых ими образовательных программ, соответствие содержания и качества подготовки выпускников требованиям государственных образовательных стандартов и дает право на выдачу документа государственного образца, заверяемого печатью такого образовательного учреждения, не содержащей изображения герба России. При этом свидетельство о государственной регистрации не устанавливает государственный статус образовательных учреждений профессионального религиозного образования. То есть была достигнута очень большая победа. Аргументы министерства образования были отвергнуты, и вместо того, чтобы требовать изменения статуса наших учебных заведений, государством была признана возможность предоставлять им аккредитацию как религиозным организациям.

Министерством образования и науки после принятия этого закона были предприняты важные шаги по облегчению процедуры лицензирования и аккредитации для духовных школ (так, например, церковные степени приравнены к светским при учете нормативов обеспеченности преподавательского состава сотрудниками с учеными степенями и званиями; утверждается готовность и в иных ситуациях идти нам навстречу).

Какие можно сделать выводы из того, что произошло недавно, и из истории реформирования

нашей школы? На мой взгляд, главным положительным итогом развития духовной школы в период с 1989 по 2009 год следует считать то обстоятельство, что, несмотря на серьезную нехватку финансовых, кадровых, методических ресурсов , в Русской Православной Церкви возникло много духовных школ, готовящих будущих пастырей, — академий, семинарий, училищ.

Так, в 1988 году у Русской Православной Церкви, как я уже говорил, было две академии и три семинарии; сегодня, по прошествии двадцати лет, мы располагаем Общецерковной аспирантурой и докторантурой, пятью духовными академиями, двумя университетами, двумя богословскими институтами, тридцатью восемью духовными семинариями, тридцатью девятью духовными училищами и пастырскими курсами. Это, конечно, внушительный количественный рост. И по каким-то показателям мы превзошли дореволюционную ситуацию, по крайней мере, по проценту высших учебных заведений; по семинариям отстаем и по училищам немного отстаем.

Этот рост, безусловно, заслуга и подвиг и епархиальных архиереев, и тех, кто сегодня присутствует в этом зале, а также многих тружеников на ниве духовного образования, которым я, пользуясь случаем, хотел бы выразить слова самой сердечной признательности и благодарности за понесенные труды.

Мы видим, что за прошедшие годы повысился уровень образования, появились профессиональные преподаватели, появился опыт преподавания в высшей школе. Действительно, призыв соответствовать уровню высшего образования был очень важен. Я вспоминаю дискуссии на Соборе в 1989 году. Я был в числе тех, кто лоббировал эту часть постановления, и это встретило вначале недоумение некоторых членов Собора, потому что люди, особенно хорошо знавшие уровень нашего образования, весьма критически о нем отзывались. И поэтому в то время это выглядело как некоторая фантазия. Но тогда это было архиважно, потому что мы определили цель, к которой нужно идти: цель заключается в том, чтобы каждый священник имел признанное государством высшее образование.

Вместе с тем, появились и претензии (не уверен, что всегда обоснованные) считать достигнутый уровень уже соответствующим высшему образованию; появился запрос на атрибутику высшей школы — некоторые семинарии организуют ученые советы, кафедры, готовы давать ученые степени и звания, но не всегда имеют соответствующие возможности для того, чтобы это были реальные ученые степени и звания, чтобы это были реальные кафедры с реальными профессорами.

Мне кажется полезным задать себе вопрос: не оказалось ли в осуществленной нами реформе, то есть в переходе с четырехлетних программ на пятилетние, больше формы (по крайней мере, на сегодня), чем сути? Мы должны очень критически посмотреть на то, что у нас сейчас происходит в

семинарии. Причем эти минусы нашей семинарской жизни не является ошибками в работе или результатами какого-то пренебрежительного или недостаточно серьезного отношения архиереев и проректоров к исполняемым обязанностям — чаще всего существуют объективные причины того, что по своему содержанию наше образование еще далеко от того, каким оно должно быть.

Можем ли мы с уверенностью сказать, насколько повысился уровень образования? Можем ли мы сказать, что этот уровень нас устраивает, а если не вполне устраивает, то в чем конкретно? Есть ли у нас ясные критерии развития? Есть ли у нас ясное видение и понимание того, каким должно быть духовное образование? Принятая в 2007 году концепция духовного образования, как представляется, и должна была на основании хода реформы представить такое видение, стратегию развития духовного образования. Но, как мне кажется, скорее всего мы сейчас имеем формальную констатацию положения вещей, как они сложились на сегодня. Поэтому позвольте поделиться с вами некоторыми мыслями о задачах духовного образования.

Духовное образование, его конкретные формы должны определяться не внешними привходящими обстоятельствами и мотивами, не сентиментальными, часто псевдоблагочестивыми рассуждениями, а очень ясным целеполаганием, исходя из фундаментальных задач церковной жизни и служения.

Мы должны ясно понять и сформулировать:

1) для чего, для решения каких именно задач нужна система духовного образования Церкви;

2) какое место вся эта система должна занимать в Церкви;

3) кого мы готовим в духовных школах — сегодня мы часто готовим бизнесменов, менеджеров, которые после семинарии уходят и занимаются светской работой;

4) для какого служения мы готовим;

5) какими знаниями, умениями, навыками, духовными и моральными качествами должны обладать выпускники духовной школы;

6) как, какими методами и в каких формах мы предполагаем осуществлять подготовку духовенства и семинаристов.

Конечно, есть ответы на эти вопросы, но эти ответы не всегда покрывают наши озабоченности.

Ответ на первый вопрос — на вопрос о том, для чего нам нужна система духовного образования, для решения каких задач, — на первый взгляд кажется совершенно очевидным: задачей духовной школы должна быть подготовка кадров священнослужителей. Но что это означает? Возможно ли уподобить подготовку священнослужителей воспроизводству кадров в какой-нибудь светской отрасли, скажем, в области науки или производства? На мой взгляд, нет, и вот почему. Здесь присутствует очень важная богословская предпосылка: потому, что воспроизводство кадров в Церкви — это, говоря по существу, и есть передача церковного Предания от поколения к поколению. Да, бесспорно, Предание есть веяние Духа Святого в Церкви, но Церковь — организм Богочеловеческий, в ней осуществляется синергия Божественной благодати и человеческих усилий. И не всегда, увы, далеко не всегда человеческое усилие оказывается достойным Божественного призвания.

Вот почему духовное образование имеет самое непосредственное отношение к сокровенным глубинам бытия Церкви — это одна из важнейших задач. Это не вторичное дело; богословское образование — в самой сердцевине церковной жизни. Мы передаем Предание. Кто является хранителем Предания? — Епископат. Посредством чего люди, которые в будущем становятся архиереями, входят в этот поток Предания? — Через богословское образование. Поэтому пренебрежительное отношение к богословскому образованию (не декларируемое — никто не говорит, что это не нужно — а внутреннее: «Главное сейчас батюшек иметь достаточно, образование — это потом») надо пересматривать, потому что от уровня нашего богословского образования, от того, что есть богословское образование, зависит, в конце концов, сама передача Священного Предания Церкви.

Церковь определяет, каким должен быть священник, свидетельствует об идеале, образце. Но даже сама эта задача, конкретное определение идеала в данных исторических обстоятельствах уже является элементом целеполагания в сфере духовного образования. Таким образом, задача духовного образования — не только «воспроизводство священников», как «воспроизводство инженеров», но и воспроизводство идеала, или, говоря языком светским, знаний, умений, навыков, компетенции, необходимых черт характера, состояния души.

Мы все с вами помним старый бурсацкий аргумент: «А зачем мне учить иностранный язык? Что я, на английском языке с бабками в церкви разговаривать буду?» Конкретно я сталкивался с этим аргументом очень часто в разных вариациях. Мы понимаем, что дело здесь, конечно, не в английском. На месте языков может оказаться и патрология, и история Церкви, и даже Священное Писание. Никогда не забуду, как я, будучи еще архимандритом, имел разговор с одним архиепископом, который в тот момент уже был на покое, но до того был постоянным членом Священного Синода, человеком очень влиятельным в нашей Церкви, не буду его имя называть. Он был глубоко убежден, что вообще не нужно никакого богословского образования, он сам его не

имел. И говорил мне: «Вы там академию кончаете, а я вот сейчас выйду и на любую тему вам проповедь произнесу». И очень хвалился тем, что может произнести проповедь на любую тему экспромтом. В сознании этого владыки богословское образование было просто ненужным делом, может быть, даже вредным делом. Я не думаю, что среди нас есть такие архиереи, но несомненно, что для многих из нас повседневная наша забота о епархии, о приходах нередко оттесняет на второй план заботу о духовной школе.

При таком подходе кандидату в священный сан не нужно ничего, кроме минимума литургических навыков. Вот мы и получаем в итоге требоисполнителя, позвольте прямо сказать, с широким карманом. Потому что такое требоисправление, оторванное от Предания, да и от благочестия, превращается просто в предоставление религиозных услуг за соответствующую плату. Но самое печальное то, что этот «идеал» возникает у горе-семинариста не на пустом месте — он видит определенные подтверждения своей теории в церковной жизни. Такой «идеал» священника смертельно опасен для Церкви. Зачем требоисполнителю-наемнику социальная работа? Зачем миссия? Зачем образование? Зачем жертвенное служение людям? Да, в конце концов, даже жертвенное служение Богу? Я, конечно, привожу самый крайний пример. Но ведь все мы сталкиваемся с такими примерами.

Но не провоцируем ли мы сами такое нигилистическое отношение к духовному образованию тем, что рукополагаем людей без духовного образования, либо с горем пополам отучившихся в семинарии год-другой, принимаем в семинарии и училища людей без всяких способностей к учебе? Оправдываем, конечно, это решение нехваткой духовенства. Наверное, я бы не смог так ясно и определенно говорить на эту тему лет десять назад — это был острый кризис. Сейчас такого острого кризиса нет, поэтому мы должны переходить от количества к качеству.

Мы зачастую обосновываем наши решения этой нехваткой: пусть и плохо образован, некультурен, но вроде как человек верующий, прихожанин, почему бы ему священником не стать? Благочестие и культура, вера и образование — это не альтернативы, вот что нужно понять. Нельзя культуру противопоставлять благочестию, а веру нельзя противопоставлять образованию. Это противопоставление недопустимо. Вера, церковность, благочестие — это абсолютно необходимые требования. У будущего священника должны быть еще и соответствующие душевные, интеллектуальные и даже физические качества. Еще раз повторюсь: речь не идет о том, что мы должны предпочитать благочестию образование и способности. Абитуриент должен обладать и тем, и другим. Если мы будем брать в семинарии посредственностей, троечников, двоечников, людей с отклонением от психической нормы, миссия Церкви будет провалена, эти люди будут неспособны обращать к Церкви сердца современных людей. Церковь снова останется Церковью для малообразованных людей, для тех самых бабушек, которым ни английский, ни патрология не нужны. Церковь не станет Церковью всего народа, а сегодня наша задача заключается в том,

чтобы Церковь была Церковью всего народа. Это не значит, что бабушки должны быть дискриминированы в нашей церковной общине; это значит, что Церковь должна быть нацелена на работу со всеми, в том числе с бабушками, но и с людьми современными, малоцерковными, критически относящимися к Церкви.

Скверно образованные, некультурные люди слишком часто становятся людьми антикультурными, обскурантами, защищающими и оправдывающими свой низкий образовательный и культурный уровень зилотством и показным благочестием. Затем этот образ воспроизводится и тиражируется — и вот вам новый «идеал», который еще совсем недавно так страстно формировался на Чукотке. Боюсь, что нам еще долго придется бороться с этим уродливым явлением, не имеющим ровно ничего общего с подлинным благочестием, ничего общего со святоотеческим примером.

Цинизм и псевдодуховный обскурантизм — вот два плода невоспринятого, неусвоенного Предания. Люди, воспитанные в святоотеческой традиции, не могут быть обскурантами, носящими в себе пафос антикультуры, отторжения культуры.

Предание Церкви глубоко и многогранно. Даже если на мгновение отвлечься от его Божественного основания, от его бесконечной, неиссякаемой, неисчерпаемой и непостижимой благодатной полноты, то даже сам факт двухтысячелетней истории Церкви должен нас заставить задуматься о многом. Это огромная сокровищница не только Откровения, Божественного присутствия, благодати, но и человеческой мудрости, человеческих чувств, человеческих действий, колоссального опыта. Ни одна организация в мире не имеет такого опыта, как Церковь. Ни одна организация в мире не является хранительницей такого колоссального пласта человеческой мудрости, как Церковь. И ничто из этого не должно быть утрачено.

Духовное образование немыслимо без церковной науки, без богословия, без церковной мысли, без серьезных научно-методических трудов. А почему, собственно говоря? Да потому, что без богословия мы можем начать передавать, по слову апостола Павла, бабьи басни (1 Тим. 4. 7) вместо подлинного церковного Предания. Ведь так же и происходит, когда бабьи басни становятся частью местного предания и не отсекаются, потому что нет способности отсечь одно от другого, отделить одно от другого. На этой почве и рождаются ереси и расколы, когда бабьи басни становятся в сознании людей частью предания, когда они поставляются в центр Благовестия.

Именно богословская, ясная и трезвая церковная мысль должна быть важнейшим инструментом церковного целеполагания в сфере духовного образования. Духовная школа и ее научно-педагогическое ядро должны уметь методически адекватно выделить в догматическом, литургическом, мистическом, аскетическом, каноническом, миссиологическом и иных аспектах

Предания то важнейшее , что должно быть усвоено будущим священнослужителем.

Разумеется, научно-методическая, богословская работа не должна сводиться к подбору образцов из прошлого. Она не должна вырождаться в безжизненную и пустую схоластику. Схоластика хороша как форма, как добрая дидактика, но когда форма вытесняет содержание — это уже духовная смерть, это торжество буквы над духом, и такое богословие не усваивается ни умом, ни сердцем.

Перед преподавательским корпусом духовных школ, церковными учеными предлежит большая духовная и творческая задача — обеспечить преемственность живого Предания Церкви, преемственность текстов, смысл которых проясняется Духом, и преемственность Духа, поддерживаемого живыми текстами. Нельзя замыкаться в отвлеченном академизме: если мы не можем применить святоотеческое Предание в сегодняшней ситуации — значит, мы не усвоили Предание. Значит, мы схоласты по мышлению; значит, у нас богословие в одном кармане, а реальная жизнь — в другом; значит, не происходит стыковки одного с другим. Вот почему должна быть обеспечена постоянная связь церковной науки с церковной практикой, с реальной жизнью Церкви; вот почему богословие должно развиваться, в первую очередь, как ответ на все те вопрошания, как теперь говорят, вызовы, которые жизнь к нам обращает. Это сложная задача, но решаемая — в этом меня убеждает опыт разработки Основ социальной концепции нашей Церкви, потому что концепция создана именно как богословский ответ на вызовы времени.

Безусловно справедливо то, что священник должен быть добрым пастырем, продолжающим жертвенное служение Господа нашего Иисуса Христа (Ин. 10. 1-16; 1 Тим. 2. 5-7), соработником Христовым , как об этом говорит апостол Павел в 1-ом и во 2-ом посланиях к Коринфянам (1 Кор. 3. 9-10; 4. 1-2, 9; 2 Кор. 5. 20), образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте, как он пишет к Тимофею (1 Тим. 4. 12), человеком молитвы, утвержденным в истинах веры, благочестии и страхе Божием.

Но что все это означает в конкретных формах воспитательного и образовательного процесса? Молитва, любовь к богослужению, благоговение, глубокая содержательная духовная жизнь, совестливость, ответственность, дисциплина — очень важные качества священника. Но можем ли мы с уверенностью сказать, что мы знаем, с помощью каких воспитательных и образовательных приемов и процедур мы можем взращивать их в наших учащихся? На мой взгляд, огромное значение имеет сегодня именно воспитательная работа.

Нельзя мыслить воспитательную работу исключительно в отрицательном, запретительно-ограничительном ключе. Это тоже важный и необходимый элемент воспитания, но не основной и тем более не самодостаточный. Мы должны развивать сегодня положительную сторону

воспитательной работы: прививать любовь к молитве, к аскетической практике. Мы должны предметно и содержательно учить наших будущих пастырей не словам о духовности, часто очень неискренне, а самой духовности.

Должен быть принципиально улучшен институт классного наставничества. Я подробно говорил на эту тему на заседании Ученого совета Московской духовной академии, и хотел бы что-то сказать и сейчас. Наставник должен быть заботливым отцом и старшим собратом для студента, наставляющим его на всех этапах и воспитательного, и учебного процесса. Поэтому воспитатель должен быть воспитателем у класса, у курса на протяжении всего пребывания в школе — нельзя, чтобы на первом курсе был один, на втором — второй, на третьем — третий. Воспитатель должен вести ученика от первого до последнего дня. Он должен встречать и провожать, вся жизнь ученика должна быть перед лицом воспитателя; он должен быть, в том числе, его научным наставником, помогать ему выбирать специализацию, а в будущем тему диссертации; он должен быть наблюдателем, блюстителем его духовного, интеллектуального роста.

Мы постоянно говорим в наших духовных школах о послушании. Но не стоит ли за этим скрытое желание получить всецело послушных и запуганных людей, неспособных возразить начальству ни в какой ситуации? Не прививаем ли мы одновременно с послушанием низкопоклонство, человекоугодие и лицемерие? Может ли такой человек быть духовно свободным и ответственным пастырем, вождем своей паствы? Мы с вами слишком хорошо знаем, как зачастую за благообразным внешним фасадом скрывается лицемерие, притворство и цинизм. Мне приходится сейчас читать некоторые ваши рапорты, содержащие просьбы в отношении канонических прещений по отношению к тем или иным священнослужителям; приходится читать иногда и некоторые письма мирян. Поражаешься иногда тому, что представляет собой тот или иной священник. Тяжелейшее чувство испытываешь, когда все это читаешь. Но ведь где-то эти батюшки сформировались, они же не с неба упали, большинство из них семинарию, а некоторые и академию кончали. Мы с вами слишком хорошо знаем, что такое лицемерие и цинизм в церковной среде.

Мы должны воспитывать не рабов и не бунтарей, но свободных и одновременно ответственных людей. Свобода не означает распущенности — свобода должна быть, прежде всего, свободой внутренней, свободой во Христе. Мы должны быть уверены, что все ограничения и тяготы приемлются священнослужителем как ограничения, взятые на себя осознанно и добровольно. Это осознание добровольного принятия на себя креста должно быть присуще каждому священнику, потому что в каком-то смысле крест принимается уже самим желанием стать священнослужителем. Дисциплина должна быть в первую очередь самодисциплиной, а послушание иерархии должно осуществляться не из страха, а как осознанное и твердое следование Преданию, как сохранение древнего богоустановленного строя Церкви. Это не современные иерархи выдумали

каноническую дисциплину и подчинение священника епископу, это принцип от самого Господа, он лежит в основе церковной жизни, и каждый священник должен это ясно понимать; каждый семинарист должен понимать, еще до того как он принял хиротонию, что он вступает на путь послушания.

Совершенствование учебно-воспитательного процесса должно иметь своим итогом то, что мы должны получить выпускников, которые не просто что-то слышали и знают о духовном и богословском Предании Церкви. Они должны жить и развиваться внутри этого Предания. Будущим священнослужителям необходимо привить навык постоянного и притом самостоятельного совершенствования в изучении Священного Писания и церковного Предания. Вот почему огромное значение имеет в духовном образовании самостоятельная работа: она прививает ответственность и, конечно, развивает творческое мышление.

Священнослужитель должен быть человеком высокой светской культуры, он должен иметь хороший вкус, уметь видеть красоту. В этом присутствует и миссионерский императив, и пасторологический, и собственно церковный. Когда мы говорим о светской культуре, об общем образовании, которое также необходимо для священника, то относим сюда и филологическую подготовку, знание языков древних и новых, без чего очень сложно сегодня заниматься богословием.

Определив необходимый объем знаний, умений, навыков, качеств, сбалансировав и гармонизировав их, необходимо на следующем этапе определить наилучший алгоритм подготовки, то есть определиться с формами и методами образовательного процесса.

Нам следует обратить особое внимание на качество преподавания. Недопустимо, чтобы преподаватель просто нудно пересказывал учебник или конспект, что происходит в очень многих семинариях. Повсеместно должна вводиться лекционно-семинарская система. В образовании должны быть современные и показавшие свою эффективность элементы интерактивности, дискуссии, все полезные приемы, способствующие глубокому и осознанному усвоению материала. Должны быть подготовлены современные учебные пособия, учитывающие как развитие соответствующих наук, так и современной дидактики. Недопустимо засилье единообразия. Единство программ не должно означать единство методов их преподавания и освоения материала. И в отношении учебных пособий, и в отношении методик преподавания должна культивироваться здоровая конкуренция для выявления наилучших достижений.

У нас есть серьезные проблемы с отдельными предметами, в частности с блоком пастырских предметов, с циклом церковно-практических дисциплин (миссиология, диакония, пастырская психология и педагогика). По этим весьма важным предметам у нас нет удовлетворительных

учебных пособий.

Все сказанное выше должно стать предметом постоянной заботы Учебного комитета, но и Учебный комитет, думаю, должен в конце концов стать полноценным церковным министерством высшего образования. В этом своем качестве комитет должен выполнять следующие функции:

административную функцию, обеспечивая единство принципов построения и функционирования духовных школ;

контрольно-лицензионную функцию;

учебно-методическую функцию, включая разработку единых стандартов, учебных программ, принципов воспитательной работы, учебников, пособий, методик.

Учебный комитет должен осуществлять и научную деятельность, содействуя развитию науки в Русской Православной Церкви и учебных заведениях, обеспечивая научные коммуникации и публикации, то есть проведение конференций, установление некоей горизонтальной сети, через которую могла бы распространяться богословская информация.

В обязанности Учебного комитета должны входить и кадровые вопросы (формирование преподавательского состава духовных школ). Очевидно, сам Учебный комитет не может воспитывать и готовить преподавателей, но, опираясь на систему богословского образования, он должен находить людей, помогать им совершенствоваться, получать специализацию, проходить дополнительное образование в рамках как церковной, так и светской образовательной системы для того, чтобы достойно выполнять свои обязанности.

Учебный комитет должен заниматься координацией, помогать перетеканию опыта. Я думаю, поэтому у нас должны функционировать не только ректорские совещания, которые, учитывая большое количество учебных заведений, становятся большими, громоздкими. Ректорские совещания обязательно должны иметь место, но, помимо этого, должны быть созданы другие рабочие группы (возможно, по региональному принципу либо по какому-то другому); обмен информацией между школами должен быть очень интенсивным: взаимное обогащение, изучение опыта друг друга, организация поездок из одной школы в другую.

Учебный комитет должен заниматься и консультативно-юридической деятельностью, в том числе в вопросах государственного лицензирования и аккредитации.

Система духовного образования находится сегодня на этапе своего окончательного

формирования. Мы живем в новой ситуации, приближаясь к стабилизации после бурного внешнего роста Церкви, начавшегося двадцать лет назад. Важным фактором здесь оказывается повышение социального статуса Церкви, признания многих ее направлений деятельности в качестве значимых со стороны государства и общества.

Основой системы духовного образования должна быть епархиальная семинария, готовящая кандидатов к священнослужению. В силу различных обстоятельств семинарии сегодня отличаются по уровню, и в этом нет ничего позорного. Такой стремительный рост числа семинарий не мог не сопровождаться тем, что мы сейчас имеем реально, когда семинарии значительно отличаются по уровню друг от друга. Возникает вопрос, как поступать в такой ситуации. Некоторые считают, что семинарии, которые не соответствуют в полной мере семинарскому уровню, надо закрывать и преобразовывать в духовные училища. Есть точка зрения, что нужно сконцентрироваться, учитывая недостаток педагогических кадров, на тех семинариях, которые уже достаточно продвинуты и которые могли бы играть роль межъепархиальных семинарий, и что сокращение количества семинарий в данном случае будет не бедой, а пользой. Но у меня есть другое предложение, которое я хотел бы увязать, в том числе, и с необходимостью перехода нашей системы на систему, на которую перейдет в ближайшее время все образование в России. Эта система называется Болонской системой. Я не отношусь к числу людей, которые считают, что эта система лучше, чем та, которая существовала в Советском Союзе. Вообще, мне кажется, что система вторична, а первично то, о чем мы только что с вами говорили, — целеполагание и духовный, образовательный уровень школ. Но, тем не менее, мы должны учитывать, что пожелание иметь аккредитацию приведет нас к необходимости каким-то образом согласовать существующую в Церкви систему с Болонской системой.

Напомню вам, что собой представляет Болонская система. Предыдущая система, которая иногда называется советской или нашей российской, русской, на самом деле ни русской, ни советской не является - это немецкая, берлинская система, которая была принята в Европе в XIX веке. Мы хорошо знаем, что на разных этапах получения образования в этой системе были разные звания, которые фиксировали прохождение обучающимся того или иного этапа в этой системе. Первым званием было звание специалиста: человек, заканчивавший вуз, получал диплом специалиста. Вторым званием ученого было звание кандидата наук, и третьим званием было звание доктора. Болонская система не имеет специалиста и не имеет кандидата, она имеет звания бакалавра, магистра и доктора. Нужно сказать, что звание магистра сохранялось в нашей системе до революции, но после революции было исключено и сохранялось только в Церкви. Поэтому мы должны ориентироваться на три степени: степень бакалавра, степень магистра и степень доктора. Сейчас идут дискуссии в стране, и очень многие склоняются к тому, чтобы степень кандидата в российской системе образования все-таки сохранилась, и поэтому я думаю, что и нам, по крайней мере на ближайшее время, нужно сохранить степень кандидата. А вот что касается других

степеней Болонской системы, я бы предложил следующее.

Но перед этим несколько слов о том, что такое бакалавр. Бакалавр — это неполная высшая учебная программа; значит, человек, закончивший неполное высшее учебное заведение, выходит не с позорным отсутствием диплома или со справкой, что уже сразу деклассирует этого человека и дискриминирует его, а выходит со степенью бакалавра. Степень бакалавра получается после трех лет или четырех лет обучения в вузе (в разных странах, в разных системах, даже в разных вузах по-разному). Мы могли бы сделать четырехгодичное обучение в семинарии достаточным для получения степени бакалавра — кстати, у нас обучение в семинарии всегда было четырехгодичным. Можно было бы сделать, чтобы все семинарии, вне зависимости от их уровня, имели право присуждать степень бакалавра. И в рамках этой программы бакалавра следует обеспечить подготовку нашего духовенства — значит, каждый священник будет иметь, по крайней мере, степень бакалавра. Для людей, которые желают учиться дальше, — степень магистра. Для получения степени магистра вообще два года, а по некоторым направлениям — один год. Поэтому мы могли бы подумать о том, чтобы в наиболее продвинутых семинариях (у нас есть перечень таких семинарий, где очень хороший уровень обучения), учебный курс был бы рассчитан на получение степени магистра. Это означает: если студент закончил со степенью бакалавра семинарию, в которой нет магистерского курса, у него появляется возможность получить магистерский диплом в другой семинарии. Необязательно в Москве и необязательно в Санкт-Петербурге — в той, которая поближе, но которая имеет этот магистерский курс. Таких семинарий, конечно, у нас будет немного — пять-шесть, может быть, на самое ближайшее время.

Мне кажется, что магистерский курс должен включать один или два года. Я полагаю, что здесь нужно очень хорошо поработать Учебному комитету и подумать о том, можно ли за один год дать магистерскую подготовку; если нельзя за год, тогда за два года. После окончания магистерского курса, что будет означать полное высшее образование, студент, если он обладает соответствующими качествами и способностями, может поступить в духовную академию для подготовки и написания кандидатской диссертации. Как я сказал, есть целесообразность оставить пока, а, может быть, и на длительную перспективу, степень кандидата. Таким образом, академии у нас будут играть роль современных аспирантур. Конечно, это повлечет за собой изменение программ обучения в академии, резкое сокращение лекционного времени: человек, получивший законченное высшее богословское образование, не нуждается в том, чтобы ему еще раз по шесть часов в день лекции читали. Под строгим контролем научного руководителя (академия не должна быть местом вольготного времяпровождения) каждый, кто будет учиться в академии, должен посещать лекции и семинары и, конечно, самостоятельно работать и готовить свою диссертацию. В этом году мы открыли Общецерковную аспирантуру и докторантуру. В этой аспирантуре будут готовить и защищать как докторские, так и кандидатские диссертации по определенным направлениям, которых нет в наших академиях. Так появится возможность готовить

и докторские диссертации.

Таким образом, наша система будет приспособлена к Болонской системе; но что самое главное - переходя на Болонскую систему, мы с вами не разрушим свою традиционную систему, потому что курс бакалавра — это курс нашей традиционной семинарии. Конечно, в него нужно будет ввести некоторые элементы, которых не было в традиционном курсе, но это может произойти без особых потрясений и без особого реформирования наших семинарий. Таким образом, мы свою церковную систему мягко вводим в соприкосновение с Болонской системой.

Мне кажется, что одним из определяющих факторов выявления уровня семинарий должен быть успех в деле получения духовными школами государственной аккредитации, которая должна предваряться церковным лицензированием и аккредитацией со стороны Учебного комитета. Мы будем обращать на это особое внимание: каждая духовная школа должна будет пройти и лицензирование, и аккредитацию со стороны Учебного комитета, после чего только и возможно обращение в государственные органы за получением аккредитации.

Хочу еще раз напомнить, что в соответствии с решениями Архиерейского Собора 2004 года аккредитация учреждений духовного образования перешла из сферы дискуссии в сферу задач, требующих своего неукоснительного исполнения. Мы эти дискуссии закончили и сейчас, после решения Собора 2004 года, идем по этому пути.

Дорогие участники ректорского совещания, в ближайшее время нам всем предстоит совершить большие и сложные труды по усовершенствованию системы духовного богословского образования нашей Церкви. Большие задачи стоят перед Учебным комитетом, который будет укреплен и кадрами, и финансами, и помещениями, и будет функционировать как самостоятельное церковное ведомство с полной ответственностью за учебный процесс. Большие задачи стоят и перед каждой духовной семинарией — и перед теми, кто ограничит курс обучения степенью бакалавра, и перед теми, кто будет готовить на степень магистра, потому что сегодня везде уровень преподавания должен быть очень высоким. У нас нет ни времени, ни права на раскачку и праздность.

Я призываю всех участников настоящего совещания к активности. Я думаю, что и сегодняшнее совещание даст нам возможность обсудить все те вопросы, которые я поставил, и, может быть, выработать еще более ясное понимание того, что нам надлежит сделать в ближайшее время.

Я хотел бы пожелать всем вам помощи Божией в том ответственном, великом и сложном служении, которое вы осуществляете, возглавляя духовные школы нашей Церкви. Да хранит вас Господь!

Источник: https://mospat.ru/ru/news/58220/